

### 1.

*Ночные выползки лучей  
в небесное стремятся сито.  
Среди ночей живу — ничей,  
людьми и Богом позабытый.  
Мне хорошо наедине  
с тайгой, ручьём, осокой —  
в краю распластанных  
теней*

*и лиственниц высоких.  
Не мучит скорбная тоска  
по гибнущим мгновеньям,  
и метрономом у виска  
не тренькают сомненья.*

### 2.

*Замкнуто пространство  
кругом временным.  
Делим круг на части  
росчерком сквозным.*

*В росчерк жизнь вложили —  
буковки вразлёт.  
Ждём: графолог-вечность  
почерк разберёт.  
Разберёт-оценит,  
скажет тет-а-тет.  
..Долго ожиданье —  
до скончанья лет.*

### 3.

*Нам разум дан, до сути чтоб  
дошли мы, если сможем.  
Но, опускаясь даже в гроб,  
на смертном даже ложе  
никто не скажет,*

*что познал  
он суть до абсолюта.*

*Он скажет:*

*«Жизнь — большой вокзал,  
где суть — „туда-отсюда“».*

Мы умираем каждый день  
и каждый день рожимся.  
И, строя лабиринт идей,  
мы сути сами снимся.  
Она, суть, ждёт, когда придём  
за ней. Вывает: «Люди!  
Я жду. Для вас открыт  
мой дом».  
...Но как пойти до сути?

#### 4.

За неприметным поворотом  
проторенно-привычных дел  
я различил кончину года,  
но удивиться не посмел.  
Преображение природы,  
такое броское на вид,  
готовит новые заботы,  
а с ними скоропись обид.  
Я не устроен в этом мире.  
А этот мир устроен так,  
что в нём, как в жактовой  
квартире,  
не жить без сплетен,  
склок и грак.  
Что надо мне? Прошу покоя.  
Но мой покой давным-давно  
порушен твёрдою рукою,  
что прорубила нам окно —  
не то что в сытую Европу,  
не то что в таинства  
гуши —  
окно в бездонную утробу,  
где вечно живы миражи.  
Они настырно ищут волю,  
хотя не лезут на рожон,  
рисуют нам иную долю  
за пограничным рубежом.

Что мы теряем, уезжая?  
Бутылку зелена вина?  
Мечту о крупном урожае  
американского зерна?  
Побегу в соцсоревнованье?  
Урочный вызов в избирком?  
Помпезные телесвиданья  
с забронзовелым старичком?  
Что это? Много?

Может, много.

Но как всё с толком  
объяснить?  
Черкнув пером, лишили Бога  
и приказали гальше жить.  
Куда другим потерям рядом  
с одною этой? Где ответ?  
Но что тут думать  
об утратах?  
Пусть гумает о них  
иммунитет.

#### 5.

Отверните глаза от печали,  
взвейтесь в небо,  
оставьте жнивье.  
Мы сегодня своё откричали,  
завтра вы откричите своё.  
Распахните широкие  
крылья.  
Выходите в полёт, трубя.  
Мы сегодня себя открыли.  
Завтра вам открывать себя.  
Высь тревожно и зримо  
манит  
в неизведанный путь веков.  
Пусть вам будет небесной  
манной  
голубая крупа облаков.

## 6.

Раздроблена ночь на звёзды.  
 День затасован за день.  
 Было рано — ныне поздно,  
 что впереди — то сзади.  
 По кручам пахучие травы  
 цветут, осязая темень.  
 А мы до безумия правы —  
 мы с этими, а не с теми.  
 Струимся по взгорью цепко.  
 Залиты потом и грязью.  
 В живую закованы цепь мы —  
 ночные скалолазы.

## 7.

Не будем, не будем, не будем  
 стонать, как луна на ветру.  
 Мы будем рассказывать людам  
 о том, чего ждуть поутру.  
 Мы будем такими, как были.  
 Иными не быть уже нам  
 везде, где из звёздной пыли  
 земной воздвигается храм.  
 Шторма... разве ищем их  
 в море?  
 Но к ним пролагаем пути.  
 И море рифмуется с горем.  
 А горе всегда впереди.  
 Над нами высокое небо.  
 Под нами бездонная мгла.  
 И мы без движения слепы —  
 потомки морского орла.

## 8.

Он вбежал. А глаза —  
 два испуга.  
 А на лбу —  
 льдистой корочкой пот.

На губах, как замок,  
 сосулька —  
 опечатан молчанием рот.  
 Он — ни слова.

Плодите страхи  
 и вызывайте к печи:  
 «Тепла!» —  
 чтобы только к нему,  
 беголаге,  
 речь быстрее вернуться  
 могла.

Что случилось? Какие беды  
 к нам свои направляют  
 пути?

Тьма вопросов, и все  
 без ответа.  
 Жги! Сгорай в нетерпенье  
 и жги.

Кто-то сгинул?  
 А может быть, ранен?  
 Либо в прорубь шагнул  
 невзначай?  
 Заводить ли аэросани?  
 Или? Или? Иди угадай!  
 Миг настал.

На подходе слово.  
 Ловим слово,  
 как свет из тьмы.  
 Мы его растерзать  
 готовы.

— Говори! Чёрт тебя!  
 Не томи!  
 — Братцы, что вы такие,  
 однако?  
 — Говори! Что застыл,  
 обормот?

Нас насквозь пронизают  
страхи,  
метроном стучит:  
«Время не ждёт!»  
— Дайте же для просьбу  
минутку.  
Тот, кто ждёт, тот  
по справке блажен.

Ну и ну! Учудил паря шутку.  
Он шутник, сознаём в душе.  
Что ж, тогда не взыщи,  
приятель,  
и наш розыгрыш —  
будь здоров!  
На мороз его, шутки ради,  
выгоняем — и дверь на засов.  
Шутка шуткой.  
Минута потешна —  
и компресс спиртовой  
готов.  
А внутри него —  
капля надежды:  
станет меньше у нас  
дураков.

9.

Медведь-шатун,  
медведь-шатун,  
он — истина, не ересь.

Сквозь строй прискорбных  
наших гум  
идёт он, как сквозь вереск.  
Идёт в обличии тоски,  
то жалящей, то сонной.  
А мы нещадно трём виски.  
Изгнать ли так его нам?  
Мы смены ждём  
четвёртый день.

Мы гумаем устало:  
«Баркас, ты где?  
На той звезде,  
где куролесит дьявол?  
Медведь-шатун, сопя, урча,  
жрёт всех — не тех,  
кто вкусен.  
Придёт баркас. И на причал  
не нас — останки сгрузит.  
Он повернёт, уйти готов  
на поиски берлоги.  
И мы взахлёб свободу вновь  
вдохнём до боли в лёгких.  
А тем, кому на островке  
жить вместо нас отныне,  
оставим базу, рыб в реке,  
луну, что гложет иней.  
Оставим смутную весну,  
воз нежностей телячьих,  
страстишку милую к вину  
и шатуна в придачу.

